

- «Повести временных лет». *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Серия История. 2003. Вып. 1(2). Нижний Новгород, 2003, 111—147.
- 7 Эти наблюдения дополняют разыскания самого А.А. Гиппиуса, полемизирующего с В.Н. Русиновым. См.: Гиппиус А.А. К проблеме редакций Повести временных лет II, 8–9.
  - 8 Толочко А.П. Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. *Ruthenica*. Т. VII (2008), 154–165. См. также: Кузьмин А.Г. Индикты начальной летописи. *Славяне и Русь*. М., 1968, 305–313.
  - 9 Büdinger M. Nachrichten zur österreichischen Geschichte in altrussischen Jahrbüchern, übersetzt und erklärt, *Jahrbuch für vaterländische Geschichte*. I. (Wien, 1861), 28.
  - 10 Srkulj S. *Die Entstehung der ältesten Russischen sogenannten Nestorchronik mit besonderer Rücksicht auf Svjatoslavs Zug nach der Balkanhalbinsel. Literar-historische Studie*. (Požega, 1896), 33.
  - 11 Сергей арх. *Полный месяцеслов Востока*. Т. 2. Часть 2. М., 1876, 2.
  - 12 *Остромирово Евангелие 1056–1057 года. По изданию А.Х. Востокова*. М., 2007, 256; Сергей арх. *Полный месяцеслов Востока*. Т. 2. Часть 1. М., 1876, 341; Лосева О.В. *Русские месяцесловы XI–XIV веков*. М., 2001, 236.
  - 13 Сергей арх. *Полный месяцеслов Востока*. Т. 2. Часть 1, 2; Лосева О.В. *Русские месяцесловы XI–XIV веков*, 23.
  - 14 Выражаю благодарность Ф.Б. Успенскому за консультацию по данному вопросу.
  - 15 Конечно, часто указанным критериям не следовали. Далеко не всегда в выборе монашеского имени наблюдалась системность.
  - 16 Можно было бы предполагать, что будущий Сильвестр в 1097 г. еще не был монахом. Однако этому прямо противоречат слова под 1096 г. («намъ же по кельямъ сущимъ»), а также указание автора на то, что он пришел в Печерский монастырь еще при Феодосии.
  - 17 О функционировании христианской многоименности в княжеской среде см.: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Сколько христианских имен могло быть у князя Рюриковича? *Оппозиция сакральное/светское в славянской культуре*. М., 2004, 180–213.
  - 18 Эта идея — реликт старого, возникшего в середине XIX в., взгляда на древнерусские летописи как собрания изначально самостоятельных сочинений («записок», сказаний, повестей).

Вадим Аристов

Песни половецкие

В самом начале *Галицко-Волынской летописи (ГВл)* помещен отрывок, который исследователи обозначают как «Похвала Роману». Его темой является воспевание деятельности малозначимого галицкого князя Романа Мстиславича. В высоком поэтическом стиле его жизнь красочно и емко сопоставляется с подвигами прадеда — великого князя киевского Владимира Мономаха. Когда и кем было создано это краткое повествование и когда оно было включено в состав *ГВл* неизвестно, несмотря на то, что художественное совершенство *Похвалы* привлекало внимание многих исследователей. В результате был очерчен круг возможных источников образного ряда, представленного в ее тексте. Как отметил А.Н. Веселовский, в составе *Похвалы* сохранился «отрывок половецких песен или преданий, еще отзывающихся ароматом степи»¹. Значительно позже В.А. Пархоменко вновь заметил, что «это очень интересное место, явно половецкого происхождения»². И хотя объем «отрывка», о котором говорили ученые, составляет 2/3 объема всего текста *Похвалы*, дальше этих замечаний исследование текста не продвинулось. Между тем, есть основания полагать, что большая часть его образов действительно носит

фольклорный характер, причем, очевидна связь именно с фольклором половецким. В этом половецком материале, среди прочего, исследователи предполагают отражение отдельного текста — «эпической половецкой песни о «гудце» Ореви»³. Вот как он предположительно выглядит в тексте *ГВл*:

по смрти же Володимерѣ вставшю . оу Сырчана единомуу гоудцю же Ореви посла и во Шбезы река . Володимерѣ оумерль есть . а воротиса брате поиди в землю свою молви же емоу моа словеса . пои же емоу пѣсни Половѣцкиа . вже ти не восхочеть . даи емоу поохати зелья . именемъ ѿвшанѣ . ѿномуу же не восхотѣвшю ѿбратитиса ни послушати . и дасть емоу зелье . ѿномуу же ѿбоухавшю . и восплакавшю . рче да лоуче есть на своєї землѣ . костью лечи . нежли на чюже славноу быти⁴.

О.П. Лихачева перевела текст следующим образом:

После смерти Владимира у Сырчана остался единственный гудец Орь, и послал его Сырчан к обезам, так сказав: «Владимир умер. Воротись, брат, пойдти в свою землю! Передай Отроку эти мои слова, пойдти ему песни половецкие; если же не захочет, дай ему понюхать траву, называемую евшан». Отрок не захотел ни возвращаться, ни слушать песни — и тогда Орь дал ему эту траву. И когда он ее понюхал, то заплакал и сказал: «Лучше в своей земле костями лечь, чем на чужой быть прославленным»⁵.

В комментарии к переводу О.П. Лихачева утверждает, что «гудец» — музыкант, гуслиар. В древности был обычай посылать посла не с грамотой, а с речью. Поручение, выученное наизусть, гонец передавал адресату слово в слово, то есть говорил от имени пославшего его князя. Этот обычай сложился еще в дописьменный период, но был широко распространен на Руси и в последующие века». Это предположение полностью опирается на работу Д.С. Лихачева 1946 г.,⁶ в которой, впрочем, речь идет исключительно о «русском посольском обычае». Каков бы он ни был на самом деле, и даже если в некоторых случаях посол действительно произносил заученную на память речь (а не читал ее), трудно вообразить послов, поющих эпические песни вместо деловых посланий. Нелепо выглядело бы посылать вместо послов почти скоморохов, и уж тем более — предлагающих понюхать зелье. Очевидно, обстоятельства посольства хана Сырчана к хану Атраку требуют пояснений, выходящих за рамки комментария к переводу, помещенному в издании для широкой публики.

Довольно странно, что автор *Похвалы* знает половецкого гудца по имени, и более того, называет его в одном ряду с именами князей Романа Мстиславича и Владимира Мономаха, ханов Сырчана, Атрака и Кончака. Следует ли из этого, что половецкий музыкант был настолько значим, а главное, знаком древнерусскому читателю, на которого был рассчитан панегирик князю Роману?

Как видно, переводы уверенно толкуют фразу «вставъшу единому гудцю же Шреви» как «остался единственный гудец Орь», хотя «единый» в этом контексте может означать и «некий»⁷, и «последний». Но бóльшую проблему, как кажется, представляет позиция частицы *же* после *гудцю*, так как в этом случае она не может выступать в роли усилительно-выделительной (ожидалось бы: *единому же гудцю*). В нынешнем виде фраза как бы предполагает, что кроме единственного *гудца* у хана Сырчана оставался еще кто-то последний из служителей (но, в таком случае, фраза явно неполна). Поэтому позволительно задуматься, действительно ли в сочетании «же ореви» мы имеем дело с двумя частями речи — частицей и именем собственным? Не может ли быть так, что перед нами неопознанное позднейшими копиистами *единое* слово, чья начальная согласная была ошибочно интерпретирована как частица «же»? Кто *же* он?

Нужно сказать, что имя *гудца* возникает только при опоре на орфографию *Ипатьевского* списке *ГВл.*, писец которого последовательно употреблял омегу в тех случаях, когда, по его мнению, с нее начиналось слово (ср.: Штрока, Шбезы, вставъшу, вживъшу, вканъныа, вномоу, вбоухавъшу в окружающем тексте). Графическая конвенция *Хлебниковского* списка иная, с явными чертами второго южнославянского влияния, и омега здесь употребляется преимущественно после согласных (бѡ, братѡмъ, воевѡдство, Вѡлѡдимеръ, горѡдъ, Соломѡнъ, сынѡма и т. д.⁸) В начале слов писец *Хлебн.* предпочитал употреблять «он» (ср. в интересующем нас отрывке всего дважды: вставъшу, вживъшу, но Отрока, Обезы, окаанъныа, оставъшу, оному*, обратитиса). С другой стороны, в *Хлебн.* достаточно ясно проведена разбивка на слова, и наше место выглядит следующим образом: «оставъшу оусырча||на єдиномуу гѡцѡу жеоревн. и посла и въ обезы река, вѡлѡмеръ оѡмеръ є. лѡропинебраше поиди въ єліо

Хлебниковский список, с. 304

Возможно, что на «прочтение имени» писцом *Ипат.* повлияла известная, в том числе и в летописи, историософская традиция определения половцев в контексте приближения конца человеческой истории, как «аммонитов», родс-

твенных «мадианитам». В этом контексте у переписчика могла возникнуть по поводу половецких князей Сырчана и Атрака естественная библейская аллюзия на двух мадиамских князей Орива и Зива, уничтоженных Гедеоном (Суд. 7: 25; 8: 3). Тем более, что в *Книге Судей* «мадианитяне» отождествлялись с «измаильтянами», именем, которое со времени появления летописной статьи под 1096 г. в древнерусской литературе было закреплено за половцами. Но, главное, их изгнание в пустыню Этрив устойчиво связывалось древнерусскими книжниками с князем Гедеоном: «аще ли бо си суть ѿ пустына Етривьския . межи востокомъ и сѣверомъ . ищло жь есть . ихъ колѣнъ . д̄ . Торкмене . и Печенѣзи . Торци . Половьцѣ . Мефедии же свидѣтельствуеть ѿ нихъ . тако . ӣ . колѣнъ пробѣглѣ суть егда исѣче ꙗ Гедевнъ . [...] . друзии же глѣтъ сны Амоновы»¹⁰. В тексте *Похвалы* князь Владимир Мономах, «загнавший окаанныя агаряны», стилистически явно сопоставляется с библейским Гедеоном, который «погнаша мадиамы». У переписчика, следовательно, было достаточно оснований «увидеть» в тексте переписывавшейся им рукописи имя «Орив».

Таким образом, закрепившееся в изданиях и переводах прочтение текста с выделением «имени» половецкого певца ничем не оправдано.

Необычно не только имя половецкого *гудца*, необычен и набор средств и полномочий, которыми был наделен и должен был оперировать *гудец*-посланик хана Сырчана: он должен был не только передать «речь» хана Сырчана и петь «песни половецкие». Хан Сырчан, вместе с тем, предполагал, что эти средства могут не подействовать на адресата. И поэтому в качестве последнего аргумента Сырчан предложил: «дай ему поухати зелья». Это предполагало уже иные полномочия и возможности лица, посланного к хану Атраку.

Словари понимают термин *гудьць* как «тот, кто играет на струнном инструменте; музыкант»¹¹. Из словарных примеров, однако, становится ясно, что это не только инструменталист, но и человек, владеющий *гласом*, певец («Се глше ѿже борци и гоудьци не насыщаютъ чрева ѿ многыа пища и въздержатъся, ѿни гла(с) ради, ѿви же крѣпости дѣла»). Такая же роль *гудца* и в описании гибели Вавилона в толкованиях св. Ипполита на тему Второго пришествия: «да погразнетъ гра^а великій Вавилонъ, и не обращетса ктомъ гла^с г^аца. ни моусикиа, ни свѣрили, ни трѣба»¹². А это значит, что термином *гудец* обозначался певец, аккомпанирующий себе на инструменте.

Гудец мог играть на гусях («гоудьцю ладяцю гоусли своя»), но ведь был и специальный инструмент «гудок». Это смычковый инструмент, который имел деревянный выдолбленный кузов, как правило, овальной или грушевидной формы, а также плоскую деку с резонаторными отверстиями. Гриф у гудка имел короткую шейку без ладов, удерживавшую 2–4 струны. Этот инструмент достаточно распространен у многих народов, в том числе, и у тюрков. У них он назвался «кобыз». Кобыз имеет ковшеобразный корпус, короткую, дугообразно изогнутую шейку, большую плоскую головку и состоит из выдолбленного, обтянутого пузырьём полушара с прикреплённой к

нему наверху ручкой и с выпуском внизу для утверждения подставки. Две струны, навязываемые на кобызу, свиваются из конских волос. Играют на кобызе, сжимая его в коленях, коротким смычком. Этот инструмент использовался в древности степными *баксы* (шаманами-целителями) для различных обрядов. Музыка кобызы сопровождала пение, тюркский певец играл на нем, немного варьируя мелодию¹³. Следовательно, летописец нехарактерным для половецкой среды термином *гудец* обозначил половецкого певца-сказителя, сопровождавшего свою песню игрой на кобызе, музыкальном инструменте, знакомом древнерусскому читателю как *гудок*.

Среди тюрков одним из наиболее древних типов исполнителей эпических песен, аккомпанирующих себе на кобызе, были так называемые *жырау* (*žiraw*). Название известно у татар, казахов, каракалпаков и восходит к *žir*, «героических эпос», «песнь», а в конечном итоге — к древнетюркскому *yür/ir*¹⁴. Хотя в древности *жырау* были представлены среди большего числа тюркских народов, наиболее полно их функции исследованы у каракалпаков и казахов, и суммируются исследователями следующим образом:

[...] *жырау* считались вещими поэтами, провидящими будущее. Они находились при ставке хана и принимали деятельное участие в решении государственных дел, касавшихся всего ханства (улуса, союза племен), давали в форме наставительных стихотворений-импровизаций советы и наставления хану, батырам и полководцам, воспевали подвиги полководцев и батыров в одах *мактау*, исторических песнях и героическом эпосе. В военное время *жырау* входили в состав военного совета при хане, выполняя те же функции, а также исполняя для воинов произведения героического эпоса, поднимая боевой дух¹⁵.

Не беремся судить, какие именно фонетические и графические изменения произошли с названием *жырау/žiraw* при заимствовании его в летописный текст. Отметим однако принципиальную возможность этого. Согласно В.В. Радлову, включившему этот термин в свой словарь, «*ы* есть звук не соответствующий вполне «*ы*» ... он звучит как русское *о* и *а* в третьем слоге перед ударением; например — «*годовой*» (*гыдъвой*)»; *а*, будучи долгим, могло звучать как французское *é*, наконец, *у* в конце слов может звучать почти как *оу*, рекурсирующий в согласный *w*¹⁶. Таким образом, тюркское *жырау/žiraw* вполне могло стать *жоревь/жоревь* летописи, превратившееся в ученой традиции в имя собственное. Отметим, что в *ГВл.* это не единственный случай подобной метаморфозы. Аналогичным образом появился на свет (и даже породил значительную о себе литературу) упомянутый под 1241 г. «словутный певец Митуса», чье имя возникло из неверно понятого обозначения рода церковного певца, специализировавшегося на антифонном «митуспении»¹⁷.

Идентификация упомянутого в *Похвале* половецкого *гудца*, названного там *жоревом*, как половецкого певца-*жырау/žiraw* позволяет иначе взглянуть на летописный текст.

Жырау не только прославляли ханов, но и, как считалось, обладали способностью прорицать будущее и исполнять магические действия, что весьма близко к аналогичным функциям шаманов¹⁸. Таким образом, хан Сырчан послал к Атраку не просто искусного музыканта и рассчитывал на пробуждение ностальгии не только средствами песен. Так и получилось: когда, как и предполагал Сырчан, Атрак отказался даже слышать песни *жорева* («шномуу же не восхотѣвшю вбратитиса ни послушати») *жырау* прибег к другой стороне своих способностей: употребил «зелье . именемъ ѿшанъ», оказавшее на Атрака нужное и неодолимое действие («шномуу же шбоухавшю . и восплакавшю»).

- 1 Веселовский А.Н. Южнорусские былины. *Сборник ОРЯС*. Т. 36. СПб 1885, 372.
- 2 Пархоменко В.А. Следы половецкого эпоса в летописях. *Проблемы источниковедения*. Т. 3. М., Л., 1940, 392.
- 3 Плетнева С.В. *Половцы*. М., 1990, 168.
- 4 *ПСРЛ* 2: 716.
- 5 Галицко-Волынская летопись (подг. О.П. Лихачевой). *Памятники литературы Древней Руси: XIII век*. М., 1981, 237. Поразительно близок и украинский перевод Л.Є. Махновца: «По смерті же Володимировій остаєся у Сырчана один лиш музика Ор, і послав він його в Обези, кажучи: «Володимир уже вмер. Тож вернися, брате, піди в землю свою». Мов же ти йому слова мої, співай же йому Пісні половецькії. А якщо він не схоче,— дай йому понюхати зілля, що зветься свиан». Той же не хотів [ні] вернутися, ні послухати. І дав [Ор] йому зілля, і той, понюхавши і заплакавши, сказав: «Да лучче єсть на своїй землі кістками лягти, аніж на чужій славному бути» (*Літопис руський*. Пер. з давньорус. Л.Є. Махновця. К., 1989, 369–370).
Ср. также грамматический анализ ГВл (http://www.lrc-lib.ru/rus_letopisi/gvl/index.php), где «единому» трактуется как «единственному», «же» как усилительная частица, а «оревин» как дательный падеж мужского имени *Орь*.
- 6 Лихачев Д.С. Русский посольский обычай XI–XIII вв. Лихачев Д.С. *Исследования по древнерусской литературе*. Л., 1986, 140–153.
- 7 Ср.: «Пришедь же единъ мужъ поморникъ и рече к нему» (*Житие Константина*); «Въ единъ же днь бысть тому ученику въ единъ градъ ити, въ немъ же бѣше судия зъльи» (*Изборникъ Святослава 1076 г.*); «Бѣ бо ту единъ братъ слабъ сы, иже и часто отбѣгаше от блаженаго монастыря»; «И бѣ въ монастыри его единъ нѣкто чьрноризьць» (*Житие Феодосия Печерского*).
- 8 Франчук В.Ю. Хлебніковський список Галицько-Волинського літопису як пам'ятка староукраїнської мови XVI ст. *Галицько-Волинський літопис: Дослідження. Текст. Коментар*. За ред. М.Ф. Котляра. К., 2002, 65.
- 9 См. факсимильное издание *Хлебн.: The Old Rus' Kievan and Galician-Volynian Chronicles: The Ostrozkij (Xlebnikov) and Cetvertynskij (Pogodin) Codices* [Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts: Volume 8] (Cambridge, MA, 1990), 308.
- 10 *ПСРЛ* 2: 224. В данном случае для нас не имеет принципиального значения точная библейская атрибуция половцев. Мы не разделяем этиологических размышлений Д.А. Добровольского о том, насколько «принадлежать к «сынам Аммоновым» было существенно хуже ибо Аммон родился от связи Лота с собственной дочерью...; измаильяне не многим лучше, но их «родовое» преступление ограничивается присвоением чужого имени» (Добровольский Д.А. Восприятие половцев в летописании XI–XIII вв. *Диалог со временем*. 39 (2012), 289). Напомним, что оба праотца, — и Лот, и Авраам, — почитаются христианской церковью, невзирая на свои сексуальные ошибки, которые так разволновали Д.А. Добровольского.
- 11 Срезневский И.И. *Материалы для Словаря древнерусского языка*. Т. 1, ч. 1. СПб, 1898, 608; *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Т. 2. М., 1989, 404.
- 12 *Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII в.* Под ред. К. Невоструева. Ч. II. М., 1868, 60.
- 13 Karl Reichl, *Turkic Oral Epic Poetry: Tradition, Forms, Poetic Structure* [The Alfred Bates Lord Studies in Oral Tradition, vol. 7] (New York and London, 1992), 101.

- 14 Об этимологии см.: Karl Reichl, *Turkic Oral Epic Poetry*, 62; Турсунов Едыге Даригулулы. *Возникновение баксы, акынов, сэри и жырау*. Астана, 1999, 203–206.
- 15 Турсунов Едыге Даригулулы. *Возникновение баксы, акынов, сэри и жырау*, 206.
- 16 Радлов В. В. *Опыт словаря тюркских наречий*. Т. 4, ч. 1. СПб, 1911, 120; В. Радлов. *Опыт словаря тюркских наречий*. Т. 1, ч. 1. СПб, 1893, XI.
- 17 Сидоров Н. П. К вопросу об авторах «Слова о полку Игореве». *Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей*. М., Л. 1950, 172–173.
- 18 Турсунов Едыге Даригулулы. *Возникновение баксы, акынов, сэри и жырау*, 214.

Вадим Ставиский

Невідомий похід Токтамиша проти Великого князівства Литовського восени 1380 року?

Восени 1380 року хану Токтамишу вдалося знищити свого останнього потужного противника — еміра Мамаю. Ця важлива подія знаменувала завершення двадцятирічної міжусобної війни в Улусі Джучі, відомої з джерел як «Велика замятня». Новий правитель почав швидко наводити лад в державі. Було проведено низку реформ, що мали відновити роботу державного апарату та армії, покращити економіку тощо¹. За часів «замятні» Золота Орда втратила цілу низку областей, а чимало регіонів, що залишилися в її складі, підпорядковувалися лише номінально. Хан вдався до військових дій, спрямованих на відновлення цілісності держави. Відомі походи на Москву 1382 р.², на Хорезм 1383 р.³, «Солхатська війна» з генуезцями в Криму 1385 р.⁴, в тому ж таки 1385 р. було кинуте виклик Тамерлану у боротьбі за територію в Середній Азії та Закавказзі⁵. На цьому фоні дивує «тиша» на західному кордоні Золотої Орди, адже саме тут Улус Джучі зазнав найбільших територіальних втрат за часів громадянської війни. У 1362 р. Велике князівство Литовське (далі ВКЛ — *Авт.*) відтягло від Золотої Орди землі Чернігово-Сіверщини, Київщини і Поділля. Було не лише втрачено чималі території, але й відрізано від Орди її найзахіднішу область, так званий «Улус Ногаю».

Слід відзначити, що джерела ставлять дослідника у скрутне становище. При тому, що протягом XIV ст. Золота Орда і ВКЛ конкурують за один і той самий регіон, відомостей про відносини між ними обмаль, і вони носять уривчастий характер. Можливо тому діяння Вітовта, значно краще відображені в джерелах, видаються нам такими монументальними, адже ми не знаємо в повному обсязі всіх перепитій політики його попередників. В даній замітці ми спробуємо реконструювати один з фрагментів стосунків між державами Гедиміновичів і Джучидів у кінці 1380 р.

Причиною, що дозволила ВКЛ завоювати частину ординських областей, було послаблення і фактичний розпад Золотої Орди. Проте громадянські війни і раніше точилися в державі Джучидів, але після них починався черго-